НАШ ЧЕЛОВЕК НА МИЛЛЕ МИЛЬЕ

По большому счету нашему человеку на Mille Miglia делать нечего. Ну что мы знаем о автомобильной технике 20-30-х годов? Ну, «эмка», ну «фордик» «Форд-А». Из «иностранцев» – разве что «бьюик» 1929, и то только потому, что он каждый год выставляется на фестивале «Экзотика» в Тушино. А 40-е? А 50-е? Да ничего мы о них не знаем. «Победа» ГАЗ-20, «Волга» ГАЗ-21, «Москвич» 401, 402, 403, 407 – вот и весь наш скудный модельный ряд.

Если вы не фанат автотехники, в Бреши вам довольно быстро станет скучно. Да, лак, да, никель, да, блестит, да сверкает, да, все наполировано, начищено, надраено.

Но.

Ни одной знакомой «автомобильной физиономии» на многие десятки проехавших мимо машин. Разве иногда мелькнет знакомый по фильмам «мерс» или нечто такое, что в нашем понимании соответствует «машине 20-х годов вообще», «машине 30-х годов, как таковой» и т.д.

Рассказывают, что в свое время из кинофильма «Мимино» вырезали следующий эпизод: поссорившиеся Валико (артист В. Кикабидзе) и Рубик (артист Ф. Мкртчан) едут в лифте с двумя абсолютно одинаковыми, похожими друг на друга, как две капли воды японцами: пиджачки, белые рубашечки, галстуки, очки, лица – все совершенно одинаковое. И вот, когда лифт приезжает, и Валико с Рубиком выходят в холл, японцы переглядываются, и один другому, поклонившись, говорит:

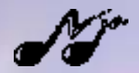
– Эти русские – все на одно лицо!..

Примерно такое же чувство охватывает вас где-то между 42-й – 43-й машиной, проехавшей мимо. ОНИ ВСЕ ОДИНАКОВЫЕ, КАК БРАТЬЯ-БЛИЗНЕЦЫ. Различить их можно лишь по эпохам – 20-е, 30-е, 40-е и т.д. А кто да что – понять практически не возможно.

Да, в Бреши наглядно видно, что пока мы по уши в бетоне строили по американским проектам днепрогэсы, магнитки и комсомольски на далеком Богом забытом Амуре, люди в Европе просто жили, ездили на пикники, на работу, в зоосад, в Париж, в Берлин, в Рим и обратно. Да, умом понимаешь, что далеко не каждый мог позволить себе разъезжать в собственном авто, но когда видишь, СКОЛЬКО же, прах их разбери, успели иностранные граждане построить для нужд своих соотечественников, ей же ей, патриотизм как-то сам собой пропадает. Когда перед глазами проходят ДЕСЯТКИ моделей одной фирмы, а этих фирм также десятки, многие десятки, и это далеко не все из того, что когда-то было, а лишь то, что когда-то ездило на Mille Miglia – малая, в общем, часть продукции мирового автопрома, то как нельзя нагляднее понимаешь, сколько же были лишены наши отцы и деды, а значит и мы с вами, ибо кто у нас может похвастаться живым «бентли» или «феррари», доставшимся от покойного любимого дедули?

А на Mille Miglia такие есть.

И так становится нашему человеку обидно за собственную державу, что возникает желание либо уйти из придорожного кафе подальше от проносящейся мимо настоящей жизни, что радостно трубит и сверкает крыльями на трассе, либо, как минимум, демонстративно повернуться ко всему этому заграничному великолепию задом, пересесть за соседний столик спиной к трассе и спросить себе под очередную кружечку пива солидную порцию «граппы», местной самогонки (они называют это водкой!), отдаленно напоминающей грузинскую чачу.



СЛУШАЕМ МУЗЫКУ MILLE MIGLIA

Сначала голос трассы един и однообразен: гул, шум, гомон – словом, какой-то звуковой кавардак, да еще и выхлопной гарью пованивает довольно ощутимо (странно, пока сидишь лицом к гонке, гарь эту как-то не замечаешь). Затем, среди автомобильного тутти становятся слышны голоса отдельных моторов. И голоса эти – все разные, друг на дружку совершенно непохожие.

Рев, клекот, вой, гул, громыхание, урчание, цокот, бульканье, чмоканье, вздохи, тарахтение, звон, бренчание, треск, со-*пение*, ши-*пение*, просто *пение*, свист, чух-чух-чуханье, дыр-дыр-дырганье, ых-ых-ыханье и еще Бог знает что такое, но нечто определенно автомобильное, причем – именно ретро-автомобильное.

Вот – хыр-хыр-дзынь-бумм! – прошел один автомобиль. Вот и-йи-йи-йи-йи чав-чав-зззззз пропыхтел другой. Вот – ц-ц-ц-цы-цы-цы-ы-ы-ы-о-а-ууу!! – продефилировал третий. Но – чу! Что-то до боль знакомое, что-то такое, что ты помнишь с младых ногтей, чуть ли не «сиздетства». Так и есть: описанное еще Ильфом и Петровым далекое комариное пение приближающихся тяжелых моторов!

Тонкий, едва уловимый звон – не звук даже, пока только призвук, возникает над трассой, едва пробиваясь сквозь гомон человеческих голосов, шорох ног, хлопанье флагов, звон посуды и дребезжание оконного стекла. Звон переходит в свист, затем органная фистула дополняется тяжелым басовым послезвучием с подвывом. *Звука* по-прежнему еще не слышно, пока до нас дошла лишь *волна* ультра- и инфразвука (что-то вроде соленого с кислым до сладости), но кожа уже реагирует, и на руках появляются первые пупырышки. Почва под ногами начинает подрагивать (или это только кажется?), пупырышки ширятся, размножаются, разбегаются по всему телу, над площадью воцаряется какая-то особенная предгрозовая тишина (или это просто заложило уши?), сердце сперва замирает, потом начинает стучать быстрее, под солнечным сплетением возникает холодок и что-то проваливается прямиком в пятки. Не шум, не звук, а будто дыхание вздыбленной земли – почва под ногами начинает дрожать отчетливее (или это дрожат колени?), тело наливается какой-то сладкой жутью и предвкушением чего-то особенного. Звука по-прежнему нет, он как полководец идет чуть позади, рассылая вперед, как дозорных, бемольные ноты и диезные триоли. Уже слышно овечье блеяние и тяжелые громовые перекаты, волосы на затылке начинают подниматься, начинаешь ощущать себя волосатым пещерным человеком (кто б мог подумать?), у которого шерсть встает дыбом, дрожь усиливается и вдруг в уши врывается *полный звук*, описать который целиком невозможно, можно назвать лишь отдельные его составляющие.

Ах, какое это неблагодарное дело! Это все равно что (подобно Сальери!) музыку разъять, как труп, да к тому же разъять неумело, потеряв при этом многое, ибо все так связано и переплетено, что вычленяя одно, уничтожаешь другое.

Рев. Взвывы. Жутковатая гармония, от которой внутри йокает, замирает и обрывается. Звон тяжелых поршней в толстых цилиндрах. Бульканье внутри выхлопной трубы, поперд….ние и клекот у ее выхода (так бурлит вода под кормой стоящего у причала тяжелого катера). Шелест шин. Скрип спиц. Бряцанье рессор. Подначивание подвески. Высокие вместе с низкими. Услышать что-либо, кроме рева нельзя. Селезенка начинает ходить ходуном, а диафрагма дрожит в такт двигателю. Переключение передачи на нейтраль. Презрительные взрывы и пальба мотора. Как будто кто-то очень быстро надувает шарики и еще быстрее хлопает их об гвоздь. Кря-кря – это клаксон! Самый настоящий, кыш вы, куда-а-а?!

Сколько ж это едет «горшков»? Восемь? Двенадцать? Шестнадцать? Треск включенной передачи, педаль в пол – бр-р-румм! – мягких ход, совершенство подшипников ступиц колес ощущается спинным мозгом. Бормотание клапанов, чавканье масла, дыхание коленвала, пыхтение помпы – Бог ты мой, какое, однако ж, сложное изобретение, автомобиль.

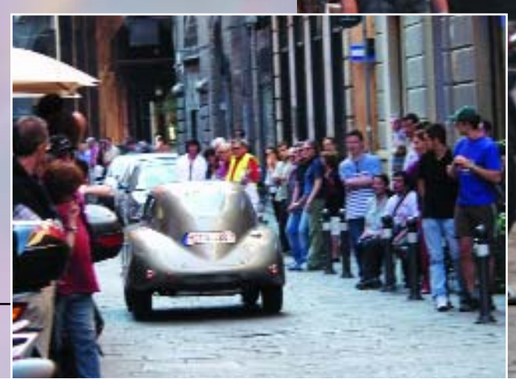
А-о-у-и-э-ы! Божество проносится мимо, хлестнув публику (а-а-ах!) бензиновым хвостом, запахом кожи и разогретого металла, *звук* уходит, рассыпаясь мелким бесом доплерова эффекта под крыши и выше, в тишь, в небо. Отстающие мелкие подзвучия бегут следом – какое-то кудахтанье, придыхание, журчание, – но все это уже не то, не так, и не для того. Далекая полицейская сирена, свисток карабинера, и все снова тонет в гуле толпы, перезвоне бокалов, музыки из транзистора за соседним столиком, только легкая дрожь в коленях напоминает о *свершившемся* только что. *Свершившемся*, которое можно только услышать, увидеть которое нельзя.

Ни-
ког-
да.

Ей Богу, только ради одного этого стоило побывать на этой самой Mille Miglia.

Со вторым следует повременить, а первое надлежит непременно исполнить.

Стоит лишь подобно избушке на курьих ножках повернуться к трассе задом, и немного подождать – какой-нибудь пары-тройки минут вполне достаточно – как произойдет весьма занятная вещь. Глазам больше делать нечего, они отдыхают, а вот уши, что до сих пор без дела торчали по бокам головы, вдруг просыпаются и начинают заниматься именно тем, для чего их придумала природа – они начинают *слушать*.

О-о-о! А мы, кажется, начинали скучать на Mille Miglia?

Рановато!